

— Просто скажи, какие тебе нужны, я посмотрю, может, найду, — скрестив руки на груди, сказал Ань Шэн. — Если не найдем, придется тебе потерпеть до выходных, когда ходим на рынок, ладно?

Повесив шлепанцы на место, Цзян Иньюй поднял голову и посмотрел на Ань Шэна.

— Внезапно подумал, что твои тоже неплохие.

— Что? — удивился Ань Шэн.

У Ань Шэна действительно была пара шлепанцев, похожих на его, только другого цвета. Он заметил их, когда проснулся, и даже сравнил.

— Я их носил, — без эмоций сказал Ань Шэн.

Цзян Иньюй ответил:

— Это же не трусы, постираешь — и можно носить.

— Черт, ты говоришь, что постираешь... — Ань Шэн повел его наверх и принес свои шлепанцы.

— Они, может, не такие качественные, как твои, подделка.

Взяв шлепанцы, Цзян Иньюй внимательно их осмотрел. Если говорить о брезгливости, то Ань Шэн, пожалуй, единственный человек, к которому он не испытывал отвращения.

Цзян Иньюй усмехнулся.

— Мои качественные тоже сломались в один момент.

— Цык, ты говорил, что я наступил, но, похоже, ты сам их сломал, — сказал Ань Шэн.

Обман раскрылся, Цзян Иньюй замялся, поставил шлепанцы и сел на кровать.

В конце концов, он только что катался по полу.

Ань Шэн спросил его:

— Я варю лапшу, хочешь?

— Снова «Доширак»? — посмеялся Цзян Иньюй. — «Доширак» так «Доширак», зачем говорить, что варишь? Разница есть?

Ань Шэн, опершись на дверной косяк, посмотрел на него.

— Меньше болтовни. Ешь или нет, я голоден.

После каждого экзамена Ань Шэн чувствовал, будто излил душу на бумагу, каждая строчка требовала огромных усилий.

Цзян Иньюй встал, отряхнул одежду.

— Ладно, я сам сделаю. Твоя лапша годится только тебе.

Ань Шэн замер на мгновение, Цзян Иньюй уже спускался вниз, и только тогда он вспомнил, что тот только что отряхивал пыль с себя.

Черт! Этот паршивец...

В кухне он быстро осмотрелся: зеленый лук, имбирь, чеснок, помидоры...

Цзян Иньюй сразу понял, что делать, взял разделочную доску и нож, а в это время Ань Шэн тоже зашел.

— Эй, помой зелень, — промыв лук, сказал Цзян Иньюй. — Умеешь?

Ань Шэн усмехнулся, глядя на его приготовления. Кто-то мог подумать, что он собирается устроить императорский пир.

— Ты что, варишь лапшу или готовишь банкет? Зачем мыть зелень? — закатав рукава, Ань Шэн набрал воды в таз. — А если я скажу, что не умею?

Резая ножом, Цзян Иньюй ответил:

— А что ты умеешь?

— Есть! — весело сказал Ань Шэн.

— ... — нарезав лук и разложив по двум большим мискам, он спросил. — Ешь имбирь и прочее? Есть что-то, что ты не ешь?

Ань Шэн задумался, но прежде чем он успел ответить, Цзян Иньюй сказал за него.

— Наверное, нет.

Значит, он намекает, что тот всеядный, как свинья. Это же оскорбление!

Ань Шэн открыл рот, но так и не смог ничего выдать.

— Кстати, принеси еще сосиску, — увидев, что Ань Шэн помыл зелень, добавил Цзян Иньюй. — Только не тонкую, а толстую и короткую. Такая вкуснее.

Толстую и короткую?

Ань Шэн наклонил голову, глядя на Цзян Иньюя, и только через мгновение понял, что он имел в виду. Он начал смеяться так, что едва мог дышать.

— Ты о чем думаешь, извращенец! — Цзян Иньюй смеялся, держа нож, и не мог продолжать готовку.

Ань Шэн махнул рукой, держась за живот, и пошел за сосисками.

Когда все было готово, Цзян Иньюй начал кипятить воду.

— Где у тебя смалец? — когда вода закипела, он начал готовить заправку.

Ань Шэн принес ему жир и встал рядом, наблюдая. Уже по тому, как Цзян Иньюй резал овощи, он понял, что будет вкусно.

И действительно, когда лапша была подана на стол, аромат разнесся по всему дому. Ань Шэн взял палочки и не удержался, чтобы не помешать.

— На! Если покажется мало острого, добавь сам, я не рискнул положить много, — Цзян Иньюй пододвинул баночку с перцем и сам начал есть.

— Окей, — Ань Шэн добавил немного перца и тоже принялся за еду.

Одно слово — вкусно!

Два слова — очень вкусно!

Ань Шэн ел, уткнувшись в тарелку, громко причмокивая. Цзян Иньюй, видя это, не мог сдержать улыбки.

— Ну как, почувствовал мощь дедушки Цзяна? — сказал Цзян Иньюй.

Но Ань Шэн был слишком занят едой, чтобы ответить, только слегка кивнул.

Закончив с лапшой, Ань Шэн с удовлетворением потер живот и откинулся на спинку стула, совершенно не желая двигаться.

— Как, нормально? — вытер рот Цзян Иньюй. — И это я лишь слегка постарался, даже не готовил полноценное блюдо.

Ань Шэн вдруг тяжело вздохнул, полный сожаления.

— Я всегда мечтал найти такую жену, которая умеет готовить. Жаль, что ты мужик, иначе сегодня бы ты отсюда не ушел, отрыж...

— Цык, — бросил на него взгляд Цзян Иньюй. — Уже не те времена, чтобы искать девушку, которая умеет готовить. Современные девушки ждут, что им приготовят, а сами ничего не умеют.

Особенно те, которые целыми днями болтают, суют нос повсюду, ничего не делают, а только ноют.

Ань Шэн кивнул.

— Точно, тогда ты нарасхват. Говоришь, что за тобой никто не ухаживает? Если бы они знали, что ты так готовишь, тебе бы порог дома снесли.

— Я просто завидую, ревную и чувствую себя беспомощным, — сказал Ань Шэн и снова икнул.

Цзян Иньюй засмеялся.

— Чушь. Мало кто может есть то, что я готовлю. У обычных людей такого счастья нет.

— Значит, мне повезло, — засмеялся Ань Шэн, икнув. — Нормально, нормально.

— Так что, если ты съел мою лапшу, теперь ты мой, — подшучивал Цзян Иньюй, а Ань Шэн продолжал икать.

— Я, ик... пошел ты, ик... к... — Ань Шэн указал на стакан на столе. — Ик... воды...

Цзян Иньюй встал, налил воды и протянул ему, смеясь.

— Черт, сам виноват, что так быстро жрал.

Сам дурак!

Выпив воды, Ань Шэн почувствовал себя лучше, но икота не прекращалась. Цзян Иньюй попрощался, поднялся наверх, взял шлепанцы и, взяв рюкзак, сказал:

— Сколько стоят эти шлепанцы? Я потом переведу тебе.

Ань Шэн нахмурился. Шлепанцы были довольно дорогими, не из их магазина.

Брать деньги за то, что он уже носил, рука не поднималась.

Подумав, он начал:

— Ик...

Увидев это, Цзян Иньюй поднял руку, прервав его порыв заговорить.

— Ладно, понял. Даром, да? Ну, дедушка Цзян пошел домой, пока.

...

Когда Цзян Иньюй скрылся из виду, Ань Шэн замер.

Он хотел бы знать, как Цзян Иньюй понял из его икоты, что он не хочет денег.

Вернувшись домой, Цзян Иньюй поставил шлепанцы во дворе, сначала поздоровался с бабушкой, а потом поднялся наверх, переоделся и спустился вниз, чтобы почистить шлепанцы.

— Хм... неплохо, — они подошли по размеру, не велики и не малы, да и были мягче предыдущих. Очень удобно.

Бабушка вышла с водой, чтобы вылить, и, увидев, что он примеряет шлепанцы, спросила:

— Это ведь Ань Шэна?

Он же так их берег.

Цзян Иньюй улыбнулся.

— Ань Шэн дал мне их. Мои сломались. Не нашел подходящих, пока ношу эти.

Угу, удобно.

Цзян Иньюй смотрел на шлепанцы, они были почти новые, и он все больше ими довольствовался.

Через некоторое время он заметил, что сегодня во дворе что-то не так.

Он не мог понять, что именно, но чувствовал, что что-то не так.

— Бабушка, тебе не кажется, что сегодня во дворе, — сказал Цзян Иньюй, — слишком тихо?

Да! Слишком тихо. Обычно, когда он возвращался, он слышал криканье уток или кукареканье

кур. Сегодня ничего не было, и это было непривычно.

— Бабушка продала кур и уток, — сказала старушка. — Не могу их содержать, слишком много едят.

— ... — Цзян Инъюй молча смотрел на бабушку, и в душе медленно поднималось чувство, которое он не мог назвать.

Бабушка обманывала его. Она не могла продать их только из-за того, что они много ели.

Может быть, он когда-то жаловался, что дома слишком грязно?

Он подумал об этом.

— Я... — он хотел что-то сказать, но смог только произнести:

— Прости.

Он действительно доставлял бабушке много хлопот.

Бабушка улыбнулась, освободив руку, и погладила его по ладони.

— Глупый мальчик.

<http://bllate.org/book/16784/1543642>